

Научная статья
УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113>

ФРАТРИИ У ОБСКИХ УГРОВ: ПОЛЕМИКА В УГРОВЕДЕНИИ КАК НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГРЫ

**Елена Петровна
Мартынова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Аннотация. В угроведении накоплен не только большой массив данных, но и представлены разные, порой взаимоисключающие, гипотезы о сущности разделения хантов и манси на группы Мось и Пор. Эти сведения и исследовательские подходы стали предметом изучения автора в данной статье. Ее цель – дать общий обзор подходов к трактовкам разделения на Пор / Мось среди обско-угорских народов и показать разные ракурсы освещения этой запутанной проблемы. Автор ни в коем случае не ставит задачу опровержения прежних взглядов и подтверждения своих. В работе анализируются концепции ученых-этнографов, начиная с конца XIX в. и заканчивая современными наблюдениями. В фокусе внимания автора, прежде всего, советские североведы (В. Н. Чернецов, А. М. Золотарев, З. П. Соколова), выдвинувшие и обосновавшие в эволюционно-марксистском русле идею формирования и длительного сохранения дуально-фратриальной организации у хантов и манси. В 1990-е гг. спектр интерпретаций деления на группы Мось и Пор у сибирских угров расширился. На первую позицию вышла этногенетическая гипотеза, трактующая эти социальные группировки как разные этнические общности, участвующие в этногенезе хантов и манси. Наиболее полно она представлена в работах Е. П. Мартыновой и Е. В. Переваловой. Нужно отметить заслуги известного венгерского исследователя П. Вереша, связавшего противопоставляемые группы Пор и Мось с древними мировоззренческими установками угров, которые до сих пор сохраняют дуализм и бинарность в духовной культуре. Важно подчеркнуть, что концепции, объясняющие разделение на Пор и Мось, базируются на множестве этнографических, фольклорных, лингвистических, археологических данных, которые по-разному интерпретируются. На этих основаниях они могут (и должны) считаться научным наследием Югры.

Ключевые слова: угроведение, обские угры (ханты и манси), социальная организация, фратрия, дуальная экзогамия, мировоззрение.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Фратрии у обских угров: полемика в угроведении как научное наследие Югры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 100–113. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113>

Сведения об авторе: Е. П. Мартынова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 394
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113>

PHRATRIES AMONG OB UGIANS: POLEMICS IN UGRIC STUDIES AS A SCIENTIFIC HERITAGE OF YUGRA

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Abstract. The Ugric studies include a large array of data. However, there are different, sometimes mutually exclusive, hypotheses about the essence of Khanty and Mansi division into Mos and Por groups. These data and research approaches are the subject of the author's study in this article. It aims to give a general overview of approaches to the interpretations of the Por/Mos division among the Ob-Ugric peoples and to show different angles of coverage of this confusing problem. At the same time, the author in no way aims to refute previous views and confirm his own. The work analyses the concepts of ethnographers, starting from the end of the 19th century and ending with modern observations. First of all, the author focuses on Soviet northerners (V. Chernetsov, A. Zolotarev, Z. Sokolova), who put forward and substantiated the idea of the formation and long-term preservation of dual-phratry organisation among Khanty and Mansi in an evolutionary-Marxist manner. In the 1990s, the spectrum of interpretations of the division into groups of Mos and Por in the Siberian Ugrians expanded. The ethnogenetic hypothesis, which treats these social groups as different ethnic communities that participated in the ethnogenesis of Khanty and Mansi, takes the first place. It is most fully presented in the works of E. Martynova and E. Perevalova. The author notes the merits of the famous Hungarian researcher P. Veres, who linked the opposing groups of Por and Mos with the ancient worldview of the Ugrian peoples, who still preserve dualism and binarity in their spiritual culture. It is important to emphasize that the basis of the concept explaining the division into Por and Mos is a lot of ethnographic, folklore, linguistic, archaeological data interpreted in different ways. Thus, they can (and should) be the scientific heritage of Ugra.

Keywords: Ugric studies, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), social organization, phratry, dual exogamy, worldview.

For citation: Martynova, EP 2024, 'Phratries Among Ob Ugrians: Polemics in Ugric Studies as a Scientific Heritage of Yugra', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 100–113, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Написание статьи в определенной степени было спровоцировано одной из последних публикаций А. В. Головнева «Теории этногенеза как научное наследие: опыт академической истории Югры», в которой автор предлагает рассматривать в качестве научного наследия «актуальные тематические разработки вместе с их содержанием». «Их ценностью является не "единственно верная" теория, а все поле дискурса с различными, в том числе противоположными, доводами и мнениями. В ранг научного наследия тема возводится не чьим-то волеизъявлением, а благодаря содержанию и энергии научной дискуссии» [9, с. 81]. Уверена, что угроведы согласятся со мной в том, что тематика интерпретаций сущности разделения обско-угорских народов на две группы Мось и Пор безусловно, заслуживает быть включенной в научное наследие Югры. Замечу, что в недавно вышедшей «Академической истории Югры» эта проблема не затронута прежде всего из-за ее дискуссионности, сложности и многогранности.

Основная цель данной статьи – дать обзор подходов к трактовкам разделения на Пор / Мось среди обско-угорских народов и показать разные ракурсы освещения этой запутанной проблемы. Автор ни в коем случае не ставит задачу опровержения прежних взглядов и подтверждения своих. В работе анализируются концепции ученых-этнографов, начиная с конца XIX в. и заканчивая современными наблюдениями.

Первые сведения

Рассказы о людях Пор и Мось встречаются в разных жанрах обско-угорского фольклора (сказках, мифах, легендах). В сказках указывается на противопоставление, соперничество, вражду *Пор-ёх* и *Мось-ёх* [18, с. 84–103; 326–342]. В конце 1880-х гг. Н. Л. Гондатти, побывавший у сосвинско-ляпинских манси, записал легенду о богатырях *Мос-хум* (мужчина Мось) и *Пор-хум* (мужчина Пор), от которых пошли разные люди. Однажды богатыри Мось, вернувшись с охоты, начали варить добытое мясо. Но были атакованы врагами, обратились в бегство, захватив с собой сырое мясо и съев его. Это были *Мось-хум* (люди Мось). Другие – *Пор-хум* (люди Пор) – продолжили варить мясо, несмотря на нападение врагов, они съели вареное мясо. С тех пор съевшие сырое мясо зовутся *Мось-хум*, а вареное – *Пор-хум*. И потомки богатырей сохранили эти названия. «Теперь большей частью, а прежде обязательно, брачные договоры совершаются между людьми, принадлежащими к разным поколениям; выйти женщине из поколения *мось-хум* замуж за человека, происходящего из того же рода, считается в высшей степени предосудительным, точно так же и наоборот» [10, с. 37]¹. Запись путешественника стала своего рода отправной точкой для двух научных версий: о существовании у манси (и у обских угров в целом) дуально-фратриального деления и об участии людей Пор и Мось в этногенезе хантов и манси.

Десятилетием позже тюменский и тобольский краевед Л. Кориков в небольшом очерке о сосвинско-ляпинских вогулах указал на разное происхождение людей Мось и Пор (вслед за Н. Л. Гондатти он называет их «поколениями»): «Поколение *Мось хум* произошло от высшего духовного существа, а *Пор хум* – от сожительства родственника с *Мюс нэ* – “девой-духом”, род русалок» [15, с. 4]. Ученый и религиозный деятель В. Г. Павловский, автор фундаментального труда о христианизации вогулов-манси, повторил версию Л. Корикова [19, с. 5–6]. Известный русский историк и этнограф И. Н. Смирнов первым определил «гондатьяевские поколения» *Пор хум* и *Мось хум* как две фратрии [24 с. 137, 138]. Ученый был последователем эволюционизма и следовал методам известных английских антропологов Г. Спенсера и Э. Тайлора. В своих трудах он уделял большое внимание изучению семейных отношений, был сторонником теории «коммунального (группового) брака» у древних финно-угорских народов и даже находил его у современных ему финно-угров [14].

Значение терминов

Прежде чем перейти к рассмотрению гипотез о сущности деления на Пор / Мось, остановимся на мнениях исследователей относительно этих терминов. Научная полемика вокруг названий Пор и Мось развернулась давно и далеко от окончания. В. Н. Чернецов сопоставлял обско-угорские термины *Мось – Монсь – Монть – Мис – Мишь – Манси* с венгерским *Мадьяр*, селькупским *Мас*, объясняя их значение из финского *миес* «человек» [34, с. 22]. Сходной интерпретации придерживался В. К. Штейниц [37, с. 130]. Г. Н. Прокофьев сопоставлял угорский термин *Мось* с селькупским *Мас* и объяснял значение в связи с финским словом «земля» (хантыйское и мансийское *ма*), *Мось-махум* переводил как «подземные люди» [22, с. 40]. П. Вереш обратил внимание на связь этнонима Мось со словами «сказка», «сказание», «рассказывать», восходящих к хантыйской праформе *мансэ*. По его предположению, этот древний этноним возник в процессе противопоставления соседям: «говорящий – немой» [5 с. 104–106].

О происхождении имени *Пор* наиболее распространена версия от названия съедобного растения *порих* [34, с. 21]. Г. Н. Прокофьев слово Пор связывал с селькупским *пари* – «верх», «вершина», *Пор-махум* перевел как «небесные люди» [22, с. 40]. П. Вереш, ссылаясь на исследования Я. Харматта, допускает возможность связи обско-угорского названия *Пор* с иранским племенем *порио-с*, входившим в племенной союз даха, кочевавший около II в. до н. э. к северу от Каспийского и Аральского морей [6, с. 74]. Кроме того, П. Вереш отмечает, что название фратрии Пор этимологически близко выражению «бескровное жертвоприношение» – *pori*, а также хантыйскому слову *par* – «пепел» [6, с. 74]. По мнению Е. И. Ромбандеевой, название Пор восходит к слову *пори* – «посторонний» [23, с. 38].

В этнографической литературе обращалось внимание на широкое распространение термина «Пор» в Приуралье и Зауралье [4 с. 141,142]. Так, в ненецком фольклоре женщина *Порне* – злой дух, обросшая волосами ведьма. *Порне* приходили на зов камлающих по ночам шаманов *я'няны*, связанных с духами земли [32, с. 235]. Т. Лехтисало зафиксировал название «Пор» в преданиях ненцев Канинской тундры о живущем под землей народе [36, с.17]. У удмуртов этноним Пор употребляется для обозначения чужаков – марийцев [28, с. 263]. К этому добавлю, что во время экспедиций я неоднократно сталкивалась с тем, что информанты, представляя меня знакомым, давали такое пояснение: «*Русь-нэ – Пор-нэ, Послан-нэ*», что значит «Русская женщина – это женщина Пор, или Послан». Можно предположить, что у финно-угорских народов термин «Пор» использовался для обозначения пришлых людей или представителей других народов. Попутно замечу, что представителей финно-угорских народов ханты относили к группе *Мось-ёх*, а татар – к *Пор-ёх*.

Фратриальная гипотеза

Этнограф и фольклорист И. И. Авдеев подтвердил идею И. Н. Смирнова о системе фратриального деления у манси и продолжил изучение их религиозных представлений. Пользуясь полевыми материалами В. Н. Чернецова, он привел список тотемов, существовавших у манси. Среди тотемов Мось он назвал Лягушку, Орла, Соболя, Утку-крохалю, Пор – Медведя, Гагару, Чайку, Ястреба. Авдеев полагал, что мансийские селения населены представителями отдельных родов, имеющих определенные тотемы. Фратриальное деление он распространил даже на мифологических персонажей: лесные духи *мис-хумы* относятся к фратрии Пор, а *менквы* – лесные духи-великаны – к Мось [1, с. 7, 20-28].

Выдающийся северовед, этнограф и археолог, В. Н. Чернецов значительно расширил эмпирическую базу данных о Пор и Мось. Валерий Николаевич провел среди манси восемь экспедиций в период 1925 – 1941 гг., освоил мансийский язык и собрал богатейший этнографический материал. Анализу социальной структуры ман-

си и хантов он посвятил две работы, обнаружив у них наряду с фратриями родовую организацию. Чернецов назвал характерные черты обско-угорских фратрий: самоназвание (Пор / Мось), осознание кровного родства их членами на основе происхождения от общего предка (медведь – у Пор, заяц или гусь – у Мось), почитание определенных пород деревьев как священных (кедр, лиственница, зонтичное растение *порых* – у Пор, береза – у Мось), общий религиозный культ с центрами в Вежакарах (для Пор) и Белогорье (для Мось), соблюдение тайны обрядов и священных сказаний. По его мнению, фратрии были экзогамными объединениями, состоявшими из нескольких родов (в более поздних работах – генеалогических групп). Валерий Николаевич считал, что фратрия Пор связана с культом медведя, среди ее членов бытовало название «люди Когтистого старика». Среди других наименований упомянул *Торсыр-хум* («люди Небесного рода») и *Торсыр-кол* («люди Небесного дома»). Важно отметить, что Чернецов первым указал на распространение дуально-фратриального разделения не только у манси, но и у хантов, причем у разных этно-территориальных групп. Правда, он не обнаружил ни в хантыйском, ни в мансийском языках специальных терминов для обозначения фратрий, так же как и родов. Он считал, что для обозначения этих социальных объединений обские угры употребляют термины *махум* (манси) и *сыр* (ханты) [34, с. 20, 28, 29, 37, 38]. Ученый предположил, что, будучи архаичной формой общественного устройства, фратриальная организация появилась во время «расцвета матриархального рода... Но по мере разложения матриархата и шедшего параллельно с ним процесса дробления родов ослабевала и роль фратриальной экзогамии» [35, с. 159].

В. Н. Чернецов трактовал сущность и особенности фратриально-родовой организации обских угров, исходя из эволюционистской теории Л. Г. Моргана – Ф. Энгельса, которая была канонизирована в советской этнографии. Согласно классической схеме эволюции социальных институтов доклассового общества Л. Г. Моргана (воспроизведенной Ф.Энгельсом), фратрия объединяла группу экзогамных родов, члены которых должны были заключать браки только с представителями другой фратрии. Дуальная организация из двух фратрий составляла племя, которое было эндогамным объединением. Отсюда и следовало объяснимое для 1930 – 1940 гг. стремление В. Н. Чернецова подтвердить марксистскую концепцию развития родового строя фактическими материалами.

Дальнейшее развитие эволюционистская методология получила в фундаментальной работе А. М. Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология» (1964 г.), написанной в конце 1930-х гг., а опубликованной много лет спустя после смерти автора. В ней он создал собственную концепцию развития общественного устройства и мировоззрения в эпоху первобытности. Дуальную организацию он считал универсальным социальным институтом, что и доказывал в этой книге. Основными доводами Александра Михайловича были: широкое распространение среди самых разных народов, а также ее связь с дуализмом в космогонических представлениях и бинарными оппозициями. По его мнению, дуальная организация возникла в процессе становления материнского рода и матрилинейного счета, она была «древнейшей упорядоченной формой общества», развившейся непосредственно из «первобытного стада», обуздавшей «звериное в человеке» и определившей весь строй жизни первобытного человека: «экономическую организацию, организацию племенной власти, брачные нормы, поведение людей, порядок исполнения религиозных обрядов и церемоний» [12, с. 289 – 291].

По обско-угорским сюжетам дуального деления А. М. Золотарев вступил в полемику с В. Н. Чернецовым. По его сведениям, «небесной» была фратрия Мось (называлась *Торсыр-махум* – «люди Небесного рода»), а Пор относилась к «земным людям» («*Мы-махум*»). В книге он поместил записанную им хантыйскую легенду о

происхождении людей Мось от Торума. Фратрия Пор, по его данным, произошла от древнего населения земли – кровожадных *менкво* [12, с. 226, 227]. Ученый обратил внимание на сохраняющуюся традицию противопоставления представителей разных фратрий друг другу как «людей разных пород». «Фратрия Мось считалась старше фратрии Пор, а члены ее более искусными в лесном промысле, ибо именно *Мось-ху* – сын Торума – научил людей лесному промыслу. Люди Мось поэтому постоянно смеялись над людьми Пор, упрекая их в неумении ловить зверя и охотиться... Люди Мось насмеялись также над Пор, попрекая их людоедство» [12, с. 228]. В качестве достоинств людей фратрии Пор информанты ученого упоминали храбрость, смелость: «*Пор-ху* – удалой боевой человек, во всяком деле он не отстает... *Пор-ху* – бесстрашен» [12, с. 229]. Согласно А. М. Золотареву, основными характеристиками дуальной организации обских угров были: экзогамия, происхождение от разных предков, фратриальные тотемы и святилища, обособленные поселки, представления о различиях в характерах членов разных фратрий, подшучивание друг над другом. Александр Михайлович, отметив, что фратриальная экзогамия не соблюдалась в его время, тем не менее обнаружил следы раздельного поселения фратрий – его информанты знали, какой фратрией основано селение [12, с. 229].

Стоит обратить внимание на то, что работы В. Н. Чернецова, А. М. Золотарева были сконцентрированы на выявлении не столько самобытных, сколько архаических общественных структур в социальной организации хантов и манси². Как метко заметил В. А. Тишков, «для этнографа-традиционалиста в современности интересны рецидивы архаики и их скрываема первичная значимость» [29, с. 8]. «Открытие» дуально-фратриальной организации у того или иного народа, как и установление ее происхождения, считались большими научными достижениями. В связи с этим вспоминается известная в кругах отечественных сибиреведов байка о том, как Б. О. Долгих, напутствуя аспиранта Ю. Б. Симченко накануне экспедиции к нганасанам, сказал: «Привези мне с Таймыра матриархат» [29, с.7].

Наиболее ярко увлечение архаикой проявляется в научном наследии З. П. Соколовой по тематике социальной структуры обских угров. Этой теме исследовательница посвятила не один десяток работ, фундаментальной по праву считается книга «Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода» (1983 г.). Соколова серьезно расширила и углубила идеи В. Н. Чернецова о дуально-фратриальном делении обских угров, значительно обогатив корпус источников для аргументации своей гипотезы. По мнению исследовательницы, дуально-фратриальное деление появилось у предков обских угров – уральских племен в древности и сохранялось до начала XX в. [25, с. 21]. Как и В. Н. Чернецов, Зоя Петровна указывала на повсеместное распространение фратриального деления у всех групп обских угров в XVIII – начале XX в. Главным признаком дуально-фратриальной организации она считала дуальную экзогамию, посвятив ей специальную главу монографии. Для доказательства своей теории она использовала методы количественного анализа браков обских угров (было проанализировано более 24 000 браков), выявленных по церковным метрическим книгам и ревизским сказкам в фондах Тобольского филиала государственного архива Тюменской области. Анализ брачных связей позволил ей определить фратриальную принадлежность остяцких и вогульских селений, географическое расселение членов обеих фратрий и их численность по волостям [26, с. 5–13; 27, с. 333–335]. Она привела доказательства по тем моментам, которых не было у Чернецова (фратриальные селения, соблюдение норм дуальной экзогамии).

Специфику общественного устройства хантов и манси З. П. Соколова видела в том, что при наличии четкого деления на две дуально-экзогамные половины Пор и Мось у них не было рода как особой формы социальной организации, поскольку

первоначальные роды не разделились на более мелкие самостоятельные экзогамные роды [26 с. 163, 164]. Дуально-экзогамные отношения, по Соколовой, выступали главной доминантой их общественного строя. Основную причину длительного сохранения дуально-фратриальной системы у обских угров она связала с «чрезвычайно замедленным развитием этих народов, отчасти обусловленным их изолированностью и рассеянностью в условиях расселения по таежно-болотистой зоне Западной Сибири» [26, с. 164]. Понимая, что родоплеменная организация обских угров не соответствует образцу, описанному Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом у индейцев Северной Америки, она выдвинула тезис, что для многих народов были «характерны своеобразные формы родоплеменного строя, отличавшиеся от классических как некоторыми особенностями, так и разной степенью развития» [26, с. 165].

Этногенетическая контроверза

С критикой взглядов З. П. Соколовой на обско-угорские фратрии выступил В. Г. Бабаков. Он считал актуальным для этнографической науки изучать не только логико-эвристические реконструкции социальных структур в древности, но и реальные формы конкретно-исторических социальных структур того или иного народа [3, с. 36, 38]. Владимир Герасимович в своей критике дуально-фратриальной организации западносибирских угров, как и его оппоненты, оставался в рамках марксистской методологии. Он обратил внимание на то, что «дуальная экзогамия может функционировать только в рамках эндогамной общности. В иерархической системе элементов родового общества фратрия не может быть межплеменным или межэтническим объединением...» [3, с. 39]. Поэтому уязвимым местом во фратриальной концепции обско-угорского общества оказалось то, что фратрии делились на этносы, хотя по логике Моргана – Энгельса должны были сначала разделиться на роды. Более того, у обских угров в XV – XVI вв. существовали этнически и политически разобщенные княжества, имевшие военную организацию. В таких условиях «общеугорская дуально-экзогамная организация, да еще архаичного австралийского типа» не могла функционировать [3, с. 39].

В. Г. Бабаков не согласился и с методикой З. П. Соколовой о причислении хантыйских и мансийских фамилий на основе анализа брачных связей к фратриям Пор или Мось. Недопустимым, с его точки зрения, было соотносить современные фамилии с данными за XVIII – XIX вв. Он также отметил, что в ходе экспедиций 1971 и 1973 гг. большинство хантов и манси ничего не знали о *Пор-ёх (махум)* или *Мось-ёх (махум)*. Ареал распространения этих терминов точно известен – пограничная контактная зона расселения сосьвинско-ляпинских манси и нижнеобских хантов [3, с. 41]. По его мнению, вопрос об объяснении терминов *Пор-ёх (махум)* или *Мось-ёх (махум)* следует связывать «с более поздними процессами этнической миксации южных и северных групп хантов и манси, происходившими в Западной Сибири под напором сначала тюркской, а затем и русской колонизации» [3, с. 47].

С конца 1980-х гг. среди отечественных этнологов преобладающим стал этногенетический подход к сущности деления на группы *Пор-ёх (махум)* / *Мось-ёх (махум)* у северных хантов и манси. Еще во времена В. Н. Чернецова он был обоснован В. К. Штейницем. Генезис такого деления он связал с этногенетическими процессами, протекавшими в древности. По его мнению, Мось были продвинувшимися из южных степей кочевниками-уграми, а Пор – северосибирскими аборигенами, охотниками и рыбаками. В первых веках нашей эры часть угров-коневонов из Среднего и Южного Зауралья была оттеснена к северу, в таежную зону, где постепенно ассимилировалась охотничье-рыболовецкими племенами Северного Урала. После смешения потомки этих групп стали противопоставлять себя друг другу в брачном отношении и в религиозном культе [37, с. 130–132]. Замечу, что В. К. Штейниц раз-

делял точку зрения В. Н. Чернецова об универсальности деления угров на группы Пор и Мось.

Свою этногенетическую гипотезу представил В. Г. Бабаков. Учитывая наличие деления на Пор / Мось только среди северных групп угров, он сопоставил Пор с хантами, а Мось – с продвинувшимися с запада манси [2, с. 20]. Сходных представлений об этнической сущности деления манси на Пор и Мось придерживалась Е. И. Ромбандеева. По ее мнению, Пор и Мось – это разные этносы, причем наряду с приуральскими Мось, использующими в хозяйстве деревянные и берестяные предметы, автор различает довольно развитых, владеющих железом Пор Приуралья и слабо развитых Пор Зауралья. Кроме того, по сведениям Е. И. Ромбандеевой, были еще и зауральские «состоятельные» *Мис махум*, владеющие оленями, имеющие шелка и сукна, знающие железо и медь. Перейдя через Урал, приуральские Мось смешались с Мис махум и разбогатели [23, с. 34-35].

Автор данной статьи, как и Владимир Герасимович, не признает наличия дуально-фратриальной организации у обских угров. Подчеркну, что по полевым материалам конца 1980 – 1990-х гг., разделение фамилий на Пор / Мось фиксируется только среди войкарских, сынских, куноватских, казымских, шурышкарских, березовских, кодских (среднеобских) хантов и ляпинско-сосьвинские манси, т.е. там, где его отмечали предшественники³. Группы *Пор-ёх (махум)* и *Мось-ёх (махум)* характеризуется определенным фамильным составом, при этом нижнеобские ханты соотносят с ними роды-сыр [16, с. 46; 56–57; 17, с. 14–15; 20, с. 133–135].

Сущность разделения на Мось / Пор мои информанты трактовали по-разному: «Пор и Мось – это две нации у хантов»; «Пор и Мось жили в древности, про них сказок много»; «Пор должны на Мось жениться и наоборот»; «Люди Пор – сильные, грубые; женщины Пор – неумелые хозяйки и незаботливые матери (могут бросить ребенка), а люди Мось – добрые, ловкие, умелые, хотя уступают людям Пор в силе».

Нижнеобские ханты полагают, что люди Мось были древними обитателями бассейнов обских притоков. Считается, что они жили на мысах в укрепленных «городках», строили срубные дома, занимались охотой и рыболовством. Некоторые информанты говорили, что Мось были знакомы с оленеводством. Согласно легендам во время потопа (*емэн йинк*) жители левобережных притоков спаслись на высоких местах Урала, а некоторых людей Мось «занесло водой» на берега Оби и ее правобережных притоков (Казым и Куноват). Пор считается пришлой группой. Предания говорят о появлении носителей фамилий, относящихся к этой группе, во время «священного потопа». Название группы «Пор» ханты связывают со словом *por* – плот. Часто *Пор-ёх* называют *Нобты-ёх* – «приплывший народ». С местами бывшего обитания людей Пор хантыйская традиция связывает неукрепленные поселения в пойме Оби с землянками, следы которых сохраняются неподалеку от современных селений. Пор часто связывают с рыболовами, вероятно, по той причине, что расселились они в обской долине, где имелись богатые рыболовные угодья. По словам информантов, различия между группами заключается также в том, что у *Пор-ёх* «бог по земле ходит», а у *Мось-ёх* – небесный, крылатый дух-покровитель

Я выдвинула предположение, что люди Пор были носителями потчевашской и усть-ишимской культур. Под давлением тюркского населения началось продвижение угров-Пор к северу по главной водной магистрали Северо-Западной Сибири – Оби. Расселение Пор имело характер постепенной инфильтрации небольших групп населения на протяжении довольно значительного периода времени. Переселенцы-Пор, оседая в долине Оби, могли создавать очаги своей культуры, но затем растворялись в среде автохтонов, воспринимая их культуру жизнеобеспечения [16, с. 56–57; 17, с. 20]. Генетические истоки Мось следует искать в археологических культурах

Нижнего Приобья и таежного Урала. Относительно их выделения у археологов нет консенсуса. Если ориентироваться на екатеринбургских археологов, то с Мось можно связать обь-иртышскую культурно-историческую общность, существовавшую в Нижнем и среднем Приобье с VII – IV вв. до н. э. по XII – XVI вв. и послужившую базой для формирования угорских и самодийских народов [31, с. 80–81; 13, с. 65–66].

Концепцию о связи групп Пор и Мось с этнической историей хантов разделяет Е. В. Перевалова. Согласно ей, своеобразной точкой отчета формирования северных хантов был священный потоп, во время которого пришельцы с запада – люди Мось – спасались на Уральских горах (холмах, буграх), а люди Пор приплыли с юга. В ее монографии приведены названия и фамильный состав хантыйских родов, относящихся к Мось-ёх и Пор-ёх [20, с. 126–130, 132–135]. По ее мнению, Мось характеризуются культовым единством, которое не обнаруживается у Пор. «По-видимому, группа Пор сложилась из аборигенного северотаежного населения и разновременных мигрантов с юга, которых объединяло противопоставление «местным» Мось, а также общность способов продвижения (на «плотах») и мест расселения (по «потокам и «пугорам»)... Западные мигранты Мось также не представляли собой единой волны переселенцев [20, с. 136].

Разобраться в хитросплетениях деления на Пор и Мось попыталась Е. Г. Федорова, для чего привлекла огромное число публикаций предшественников и свои полевые материалы. Елена Геннадьевна указала на главные разногласия среди исследователей по следующим сюжетам: наличие этногенетической и исторической точек зрения на происхождение разделения; территории распространения представлений о людях Пор и Мось; различия в описаниях характеров людей Пор и Мось; разные переводы терминов [30, с. 124–127, 129–130, 132–133]. Она считает, что Пор и Мось – разные этнические группы в составе обских угров, а также признает наличие в прошлом среди них дуально-экзогамного деления, возникшего в результате этноисторических процессов [30, с. 129].

Версия о дуальности в мировоззрении

Среди публикаций о людях Мось и Пор можно выделить особую группу, в которых дуальное деление связывается с очень древними мифологическими представлениями хантов и манси. Прежде всего отметим в этой связи работы венгерского исследователя П. Вереша. Он разделяет взгляды В. Н. Чернецова и З. П. Соколовой о наличии у хантов и манси дуально-фратриального деления, считая при этом, что архаичные черты дуальной социальной организации лучше всего сохранили северные манси [6, с. 73]. Его исследовательский фокус сосредоточен на изучении мифологической модели мира у обских угров. Он подчеркивает, что ей была свойственна двойная символическая классификация, бинарность. С мировоззренческими установками он связывал разделение на фратрии: Мось – с *Нуми-Торумом* и его сыном, крылатым всадником *Мир-суснэ-хумом*, Пор – с женщиной *Пор-нэ* [6, с. 77]. Как и Штейниц, он сторонник происхождения угорских фратрий на основе этнического смешения продвинувшихся с юга угров-коневонов с местными уральскими аборигенными популяциями, однако относит миграции к более раннему времени – бронзовому и железному векам [7, с. 44].

С позицией В. К. Штейница выразил несогласие Й. Хэгель, написавший в 1946 г. работу о тотемизме и дуальном делении у сибирских угров (издание на русском языке вышло в 2001 г.). «Наслоения подобного рода происходили и происходят на земле, в том числе и на сибирской территории, постоянно, однако у этих народов нет двухкомпонентности» [33, с. 53]. Он связывал дуальную систему угров с их тотемистическими верованиями. Опираясь на данные Чернецова и Штейница, он обратил внимание, что фратрия Пор связана с мужским началом: предок – Медведь, духи – великаны *менквы*, бог – Нуми Торум, почитаемые деревья – кедр и

лиственница, а фратрия Мось – с женским: предок – зайчиха, духи – мисс, богиня – Калташ, почитаемое дерево – береза. Эту идею поддержала Е. А. Пивнева. Она предположила, что дихотомия Пор – Мось уходит корнями в сферу древнейшего мировоззрения и связана с оппозицией мужского и женского начал. Она даже допускает, что «на практике каждая из этих половин могла состоять из представителей мужского и женского пола» [21, с. 33].

Исследования Т. В. Волдиной демонстрируют связь традиционного мировоззрения, мифологической картиной мира, культа духов-покровителей обско-угорских народов с их традиционной социальной организацией. Она показала, что у северных угров основным принципом организации сакрального жизненного пространства выступает «дуализм», связанный со сложившейся у них в древности дуально-фратриальной организацией. Для восточных хантов характерна «троичность», соответствующая разделению на три рода Медведя, Лося и Бобра [8, с. 494, 496].

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что в угроведении накоплен не только большой массив данных, но и представлены разные, порой взаимоисключающие гипотезы о сущности разделения хантов и манси на группы Мось и Пор. Даже этимология этих названий часто представляет собой набор догадок. Уже в первом записанном Н. Л. Гондатти сюжете о людях Пор и Мось содержится повод для разных интерпретаций: в легенде говорится о происхождении Пор и Мось от разных богатырей (этногенетическая линия) и указание на экзогамные браки между группами (дуально-фратриальная линия). Последующие поколения исследователей обращались к разъяснению феномена Пор / Мось и каждый представлял свою трактовку.

Вплоть до конца 1980-х гг. отечественные угроведы были в плену концепции эволюционизма, представленной в основополагающих работах Л. Моргана и Ф. Энгельса. Отсюда вытекало вполне объяснимое стремление выдающегося этнографического трио (В. Н. Чернецова, А. М. Золотарева, З. П. Соколовой) подтвердить марксистскую концепцию развития родового строя эмпирическими материалами. Очевидно, поэтому они сфокусировали усилия на выявлении архаических общественных структур в социальной организации хантов и манси. «Открытие» дуально-фратриальной организации, как и установление ее происхождения, считались большими научными достижениями. Высказанная ими идея о формировании в далекой древности дуально-фратриальной организации обских угров и ее длительном сохранении (вплоть до начала XX в.) вошла в научное наследие Югры. Подтверждением этому является то, что она была подхвачена многими угроведами (и не только ими). Понятие «фратрии» до сих пор используется этнологами, в том числе представителями коренных народов, для обозначения социальных групп, имеющих имена Мось и Пор, а также при указании на дуализм в духовной культуре хантов и манси.

В 1990-е гг. исследовательский ракурс проблемы о существовании в составе северных групп угров Мось и Пор расширился. В спектре интерпретаций этого феномена на первую позицию вышла этногенетическая гипотеза, трактующая эти социальные группировки как разные этнические общности, участвующие в этногенезе хантов и манси. Наиболее полно она представлена в работах Е. П. Мартыновой и Е. В. Переваловой. Нужно отметить заслуги известного венгерского исследователя П. Хайду, связавшего противопоставляемые группы Пор и Мось с древними мировоззренческими установками угров, которые до сих пор сохраняют дуализм и бинарность в духовной культуре.

Примечания

1. Такая же легенда была записана В. Н. Чернецовым, однако, по его трактовке, сырое мясо съели люди Пор [34 с. 20–21].
2. Корифей сибирской этнографии 1950 – 1960-х гг. Б. О. Долгих также поддерживал идею о наличии родового и фратриального деления у обских угров, связывая существование фратрий с традициями древнего дуального деления общества [11, с. 4, 7].
3. Аналогичные данные содержатся в полевых материалах Е.В. Переваловой. Она также обратила внимание на отсутствие представлений о Пор / Мось севернее Салехарда [20, с. 131].

Список источников и литературы

1. Авдеев И. И. Песни народа манси / под общ. ред. И. Н. Попова. Омск: Омгиз, 1936. 125 с.
2. Бабаков В. Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII – XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 1973. 178 с.
3. Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // Советская этнография. 1988. № 3. С. 36–47.
4. Васильев В. И. Проблемы формирования фратриально-родовой организации у народов севера Западной и Средней Сибири в свете их этногенеза // Традиционные верования и быт народов Сибири: XIX – начало XX в. / отв. ред. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 133–143.
5. Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 102–113.
6. Вереш П. Этнологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 72–78.
7. Вереш П. Этнологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 43–52.
8. Волдина Т. В. Культ родовых духов-покровителей как основа организации жизненного пространства в традиционной культуре северных групп обских угров // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы : сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4-7 июня 2019 г.). Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 493–496.
9. Головнёв А. В. Теории этногенеза как научное наследие: опыт академической истории Югры // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 80–89.
10. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
11. Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири // Доклады VII Международного конгресса этнографических и антропологических наук. М., 1964. 9 с.
12. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
13. Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : 2 Уральское археологическое совещание, 19-22 апреля 1993 г. : тезисы. Екатеринбург: Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1993. С. 65–66.
14. Ивановская Н. И., Мишуринская О. В. Иван Николаевич Смирнов // Российский этнографический музей : офиц. сайт. СПб., 1999–2024. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/> (дата обращения: 11.10.2024).
15. Коригов Л. Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа : (очерк). Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты» (А. А. Крылова), 1898. 24 с.
16. Мартынова Е. П. Ханты: этническая и социальная структура в XVII – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / Мартынова Елена Петровна. М., 2000. 461 с.
17. Мартынова Е. П. Этногонические предания хантов о людях «Пор» и «Мось» // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое. Вып. 2. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во ТГУ, 2018. С. 7–24. Библиогр.: с. 21–24.
18. Мифы, предания, сказки хантов и манси : пер. с хантыйского, мансийского, немецкого яз. / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука, 1990. 568 с.
19. Павловский В. Г. Вогулы : [этнограф. очерк]. Казань: Типолит. Имп. Ун-та, 1907. 229 с.

20. *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
21. *Пивнева Е. А.* Исследования В. Н. Чернецова и проблема происхождения дуально-фратриального деления у обских угров // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. : к 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 32–33.
22. *Прокофьев Г. Н.* Этногония народов Обь-Енисейского Севера // Советская этнография. 1940. Т. 3. С. 67–76.
23. *Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом : Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 206 с.
24. *Смирнов И. Н.* Остяки и вогулы (югра) : историко-этнографический очерк : (окончание) // Вестник и библиотека самообразования. СПб., 1904. № 4. С. 136–149.
25. *Соколова З. П.* Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // Советская этнография. 1976. № 6. С. 13–38.
26. *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 319 с.
27. *Соколова З. П.* Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
28. *Тепляшина Т. И.* К вопросу об этнониме Пор // Происхождение марийского народа : материалы Научной сессии, проведенной Марийск. науч.-исслед. ин-том яз., лит. и ист., (23-25 дек. 1965 г.). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. С. 262–264.
29. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
30. *Федорова Е. Г.* Люди Пор и Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 1998. Вып. 4. С. 124–134.
31. *Федорова Н. В.* О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников 1 тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 78–83.
32. *Хомич Л. В.* Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб.: Рус. двор, 1995. 334 с.
33. *Хэмель Й.* Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.
34. *Чернецов В. Н.* Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. Т. 2. С. 20–42.
35. *Чернецов В. Н.* К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. Т. 6-7. С. 158–185.
36. *Lehtisalo T.* Entwurf einer Mythologie der Juraksamojeden. Helsinki: Societe finno-ougrienne, 1924. 171 p.
37. *Steinitz W.* Totemismus bei den Ostjake in Sibirien // Ethnos. 1938. Vol. 3, Issue 4-5. P. 125–140.

References

1. Avdeyev, II 1936, *Pesni naroda mansi* (Songs of the Mansi people), ed. by I. N. Popov, Omgiz publ, Omsk. (In Russ.)
2. Babakov, VG 1973, Territorialno-plemennyye obshchnosti obskikh ugrov i narymskikh selkupov (XVII–XIX vv.) (Territorial and tribal communities of Ob Ugrian and Narym Selkups (17th – 19th centuries)), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Babakov, VG 1988, 'Istoricheskoye mesto fratrii v strukture sotsialnykh svyazey zapadnosibirskikh ugrov' (Historical place of fraternity in the structure of social relations of the West Siberian Ugrians), *Sovetskaya etnografiya*, no.3, pp. 36–47. (In Russ.)
4. Vasilyev, VI 1987, 'Problemy formirovaniya fratrialno-rodovoy organizatsii u narodov severa Zapadnoy i Sredney Sibiri v svete ikh etnogeneza (Problems of the formation of clan-fraternal organisation among the peoples of the north of Western and Middle Siberia in the light of their ethnogenesis), *Traditsionnyye verovaniya i byt narodov Sibiri: XIX – nachalo XX v.* (Traditional Beliefs and Life of the Peoples of Siberia: 19th – early 20th century), ed. by I. N. Gemuyev, A. M. Sagalayev, Nauka publ, Novosibirsk, pp. 133–143. (In Russ.)
5. Veres, P 1978, 'Etnokulturnoye razvitiye ugorskikh narodov' (Ethno-cultural development of the Ugrian peoples), *Etnokulturnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* (Ethno-cultural history of the population of Western Siberia), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 102–113. (In Russ.)

6. Veres, P 1990, 'Etiologicheskii mif obskikh ugrov o proiskhozhdenii fraternalnoy organizatsii i ikh model mira' (The etiological myth of Ob-Ugrians on the origins of phraternal organization, and their world model), *Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov* (Worldview of Finno-Ugric peoples), Nauka publ, Novosibirsk, pp. 72–78. (In Russ.)
7. Veres, P 2014, 'Etiologicheskii mif obskikh ugrov: proiskhozhdeniye fraternalnoy organizatsii i model mira' (The etiological myth of Ob-Ugrians on the origins of phraternal organization, and their world model), *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* (Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences), no. 3, pp. 43–52. (In Russ.)
8. Voldina, TV 2019, 'Kult rodovyykh dukhov-pokroviteley kak osnova organizatsii zhiznennogo prostranstva v traditsionnoy kul'ture severnykh grupp obskikh ugrov' (The cult of patron ancestral spirits as a basis for the organisation of living space in the traditional culture of the northern Ob Ugrian groups), *Finno-ugorskiy mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kulturnoye naslediyе i novyye vyzovy : sb. st. po materialam VI Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* (The Finno-Ugric World in the Multi-ethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges : a collection of articles on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies), Izhevsk, 4-7 June, Izd-vo Anny Zeleninoy publ, Izhevsk, pp. 493–496. (In Russ.)
9. Golovnov, AV 2024, 'Teorii etnogeneza kak nauchnoye naslediyе: opyt akademicheskoy istorii Yugry' (Theories of ethnogenesis as a scientific heritage: the case of the academic history of Yugra), *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal), no. 3 (84), pp. 80–89. (In Russ.)
10. Gondatti, NL 1888, *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* (Traces of paganism among foreigners of North-West Siberia), Tip. Ye. G. Potapova publ, Moscow. (In Russ.)
11. Dolgikh, BO 1964, 'Rod, fratriya, plemya u narodov Severnoy Sibiri' (Kin, fraternity, tribe among the peoples of Northern Siberia), *Doklady VII Mezhdunarodnogo kongressa etnograficheskikh i antropologicheskikh nauk* (Papers of the VII International Congress of Ethnographic and Anthropological Sciences), Moscow. (In Russ.)
12. Zolotarev, AM 1964, *Rodovoy stroy i pervobytnaya mifologiya* (The clan system and primitive mythology), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Zыkov, AP & Fedorova, NV 1993, 'Ob -Irtyskaya kulturno-istoricheskaya obshchnost epokhi zheleza' (Ob-Irtysk cultural-historical community of the Iron Age), *Arkheologicheskiye kultury i kulturno-istoricheskiye obshchnosti Bolshogo Urala : 2 Uralskoye arkheologicheskoye soveshchaniye* (Archaeological cultures and cultural-historical communities of the Greater Urals : 2nd Urals Archaeological Meeting), 19-22 April, Izd-vo In-ta istorii i arkheologii UrO RAN publ, Yekaterinburg, pp. 65–66. (In Russ.)
14. Ivanovskaya, NI & Mishurinskaya, OV 1999–2024, 'Ivan Nikolayevich Smirnov', *Rossiyskiy etnograficheskiy muzey* (Russian Museum of Ethnography), viewed 11 October 2024 <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/> (In Russ.)
15. Korikov, L 1898, *Sosvinskiye i lyapinskiye voguly Berezovskogo okruga* (Sosvinsky and Lyapinsky Voguls of the Berezovsky District), Tip. «Sibirskoye torgovoy gazety» (A. A. Krylova) publ, Tyumen. (In Russ.)
16. Martynova, YeP 2000, *Khanty: etnicheskaya i sotsialnaya struktura v XVII – nachale XX vv.* (Khanty: ethnic and social structure in the 17th - early 20th centuries), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
17. Martynova, YeP 2018, 'Etnogonicheskiye predaniya khantov o lyudyakh «Por» i «Mos»' (Ethnic legends of Khanty people about Por and Mos people), *Sibirskiye ugry v ozherelye subarkticheskikh kultur: obshcheye i nepovtorimoye* (Siberian Ugriamns in the necklace of subarctic cultures: the common and the unique), no. 2, Izd-vo TGU publ, Khanty-Mansiysk, Tomsk, pp. 7–24. (In Russ.)
18. Lukina, NV 1990, *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* (Myths, legends, fairy tales of Khanty and Mansi people), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
19. Pavlovskiy, VG 1907, *Voguly* (Voguls), Tipolit. Imp. Un-ta publ, Kazan. (In Russ.)
20. Perevalova, YeV 2004, *Severnyye khanty: etnicheskaya istoriya* (The Northern Khanty: ethnic history), UrO RAN publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
21. Pivneva, YeA 2005, 'Issledovaniya V. N. Chernetsova i problema proiskhozhdeniya dual'no-fraternal'nogo deleniya u obskikh ugrov' (Chernetsov and the problem of the origin of dual-fraternal division among Ob Ugrians), *Problemy istoriko-kulturnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy : materialy XIII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograf. konf. : k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. N. Chernetsova* (Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories : proceedings of the XIII West Siberian archeological and ethnographic conf. : to

- the 100th anniversary of the birth of V. N. Chernetsov), Izd-vo TGU publ, Tomsk, pp. 32–33. (In Russ.)
22. Prokofyev, GN 1940, 'Etnogoniya narodov Ob-Yeniseyskogo Severa' (Ethnony of the peoples of the Ob-Yenisei North), *Sovetskaya etnografiya*, vol. 3. pp. 67–76. (In Russ.)
 23. Rombandeyeva, YeI 1993, *Istoriya naroda mansi (vogulov) i yego dukhovnaya kultura (po dannym folkloru i obryadov)* (History of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)), Sev. dom publ, Severo-Sibirskoye region. kn. izd-vo publ, Surgut. (In Russ.)
 24. Smirnov, IN 1904, 'Ostyaki i voguly (yugra)' (Ostyaks and Voguls (Yugra)), *Vestnik i biblioteka samoobrazovaniya* (Bulletin and library of self-education), St. Petersburg, no.4, pp. 136–149. (In Russ.)
 25. Sokolova, ZP 1976, 'Problema roda, fratirii i plemeni u obskikh ugrov' (The problem of kin, fraternity and tribe among the Ob Ugrians), *Sovetskaya etnografiya*, no. 6, pp. 13–38. (In Russ.)
 26. Sokolova, ZP 1983, 'Sotsialnaya organizatsiya khantov i mansi v XVIII – XIX vv.' (Social organization of Khanty and Mansi in the 18th – 19th centuries), *Problemy fratirii i roda* (Fraternity and clan issues), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 27. Sokolova, ZP 2009, *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* (Khanty and Mansi: a view from the 21st century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 28. Teplyashina, TI 1967, 'K voprosu ob etnonime Por' (On the question of the ethnonym Por), *Proiskhozhdeniye mariyskogo naroda : materialy Nauchnoy sessii, provedennoy Mariysk. nauch.-issled. in-tom yaz., lit. i ist.* (Origin of the Mari people : proceedings of the Scientific Session held by the Mariysk Research Institute of Language, Literature and History), 23-25 December, Marknigoizdat publ, Yoshkar-Ola, pp. 262–264. (In Russ.)
 29. Tishkov, VA 2003, *Rekviyem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* (Requiem for Ethnicity: Studies in Social and Cultural Anthropology), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 30. Fedorova, YeG 1998, 'Lyudi Por i Mos v predstavleniyakh sovremennykh mansi i khantov (po polevym materialam posledney chetverti XX v.)' (On the cultural affiliation of Ob-Irtysh monuments of the 1st millennium AD), *Materialy polevykh etnograficheskikh issledovaniy* (Materials of ethnographic field research), no. 4, MAE RAN publ, St. Petersburg, pp. 124–134. (In Russ.)
 31. Fedorova, NV 1978, 'O kulturnoy prinadlezhnosti Ob-Irtyshskikh pamyatnikov 1 tys. n. e.' (On the cultural affiliation of Ob-Irtysh monuments of the 1st millennium AD), *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri* (Early Iron Age of Western Siberia), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 78–83. (In Russ.)
 32. Khomich, LV 1995, *Nentsy. Ocherki traditsionnoy kultury* (Nenets. Sketches of traditional culture), Rus. dvor publ, St.Petersburg. (In Russ.)
 33. Haekel, J 2001, *Pochitaniye dukhov i dualnaya sistema u ugrov (k probleme yevraziyskogo totemizma)* (Dual system among the Ugrians (on the problem of Eurasian totemism)), trans. by N. V. Lukina, Izd-vo Tom. un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
 34. Chernetsov, VN 1939, 'Fratrionalnoye ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva' (Fraternal structure of the Ob-Yugorian society), *Sovetskaya etnografiya*, vol. 2, pp. 20–42. (In Russ.)
 35. Chernetsov, VN 1947, 'K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov' (To the history of the Ob Ugrian clan system), *Sovetskaya etnografiya*, vols. 6-7, pp. 158–185. (In Russ.)
 36. Lehtisalo, T 1924, *Entwurf einer Mythologie der Juraksamojeden*, Societe finno-ougrienne publ, Helsinki. (In Germ.)
 37. Steinitz, W 1938, 'Totemismus bei den Ostjake in Sibirien', *Ethnos*, vol. 3, no. 4-5, pp. 125–140. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 17.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 17.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024